

Ночь упала вдруг. Густые мрачные тучи опрокинули свет и погасили его, уже нигде не было видно даже краешка чистого неба – все замерло от жуткой тишины. Далеко под стреху хозяйского дома залез серый воробей, галки молча слетели на развесистый тополь, собаки сначала выли, побеждая страх и показывая хозяевам свою преданность, потом, поджав хвосты и загремев цепью, волокли свой перепуганный зад под стену сарая. Корова перестала хрустеть своей жвачкой и тупо поворачивала голову, ожидая уже знакомого грома.

Внезапно прямая, как стрела, молния располовинила небо и уперлась в свинцовые воды озера. Дикая утка побежала по воде, как посуху, и врезалась в камыши,

перепугав всегдашних тамошних обитателей. Заквакали и смолкли осторожные лягушки, щуки спустились поближе ко дну и сунули головы в корневища камыша и лопушек. Молния сгорела, и только тогда сухой гром раскатился над водой, над полем, над лесом, бухая раскатами, громкими, как выстрелы.

И хлынул ливень. Молнии, опережая одна другую, высвечивали деревню и все вокруг, они играли в небе, изображая всегда что-то ветвистое, похожее на выдернутые корни огородного паслена. Гремело уже без перерывов, иногда ухало так близко от земли, что она содрогалась, и вода в озере поднималась крутой волной. Не было в природе иных звуков, кроме грома, все затихло на земле и на воде, подчиняясь пугающей стихии.

Жизнь человеку дана для чего? Никто не знает. Потому тычется каждый, как слепой котенок, напрягается, вытягивает шею и все ждет чего-то, что с ним должно случиться непременно. Володька где-то прочитал, сильно поглянулось: не все догадываются, что сидеть и ждать – безнадежное дело, если сам не приколотишь к каблук поношенных ботинок потерянную доходягой-одром истертую подкову и не станешь упираться, как тот носитель подковы. А, потоптавшись и умяв почву под ногами, выверишь свою тропинку и пойдешь по ней, спотыкаясь, падая, сдирая локти и колени, разбивая лицо, вытирая пот, слезы и кровь. И как только человек душой и сердцем почувствует, что это его стезя, его дорога, – расправит плечи, соберет в горсть усердие и примется улучшать и расширять ее. А кто не поднимется над собой, кто с младых ногтей удовольствуется тем, что есть, уготована жизнь пресная, тоскливая и даже надоедлая. И пройдет его время стороной, не захватив, не закружив, не порадовав страстью нестерпимой, оравой добрых друзей, кулачной дракой на чьей-то свадьбе. Все тускло и серо, вплоть до самой жизни.

Володька думал об этом, сидя в старой бане, где скрывался от отца и читал книжки. Отец книжек не любил, потому все, что Володька нашел в доме покойного безродного учителя Николая Николаевича, стаскал под крышу сарая и соображал, куда это богатство заныкать к зиме. Ему уже шестнадцать, лицом в мать, чуть конопатенький, рослый, только все еще суховат, сказали, с годами силы наберет и в плечах раздвинется. Он любит читать книжки и думать, за что отец, подойдя втихушку, больно доставал по загривку.

Володька всегда так делал, вычитав не совсем понятные суж-

дения, будто переиначивал их на свой лад и свое понимание. И тут пристыдил сам себя, что до сих пор не определился, куда он пойдет по жизни. Учительница Анна Петровна в седьмом классе говорила: «Эх, Рюмин, голова у тебя есть и сердце тревожное, да не в той семье ты уродился». А в какой надо было – не сказала, и Володька никак не мог увидеть себя не в своем доме, с другим отцом и особенно матерью, с братом и сестрой – тоже другими.

В баню волехнулся солнечный свет в открытую дверь, отец Иван Иванович стоял в косяках, как в раме, и Володька встречь солнцу не видел его лица, только знал, что ничего доброго отец не скажет, сжался, готовый принять матерок или кнут.

– Ты подскалу нарубил? – безразлично спросил отец.

– Нарубил и в кучу стаскал.

– Бери тележку, привезем, пока никто не скоробчил.

Пошли с тележкой на берег озера, густо заросший ивняком. Володька катил тележку, в ней веревка и топор на всякий случай. Отец шел рядом. Он рослый, сутулый, с большими руками, на голове кепка–восьмиклинка, на ногах изношенные кирзовые сапоги. Кепку и сапоги он носит с первых оттепелей и до морозов. Лицо будто облеплено сухой задубевшей кожей, брови выцвели и совсем не видны, усы тоже отгорели, но подкрашены табачным дымом из самокрутки, которую он почти не выпускает изо рта, перекидывая из одного уголка губ в другой. Глаза черные и глубокие, отчего вид Ивана Ивановича суров и грозен. Да он такой и есть. Может ожечь кнутом или супонью, даже не ругавши, Володька как-то определил, что от лающей собаки можно

отмахаться, а тихая молча подойдет и тяпнет. Таков отец. И никого он не любит.

Берег озера густо зарос тальником, отец зовет его подскалом, а мать вербочками. Он рубил, выбирая в зарослях стволы толщиной в завять, так отец наказал, потом стаскал в кучу, получилось, что за один раз в тележке не увезти. Сложили комлями вперед, вершинки свисают, но они не будут цепляться за землю, если везти ровно, не поднимая оглобелки. Отец обязал воз веревкой в трех местах, откинул в сторону топор:

– Я утяну, а ты тем часом на руби виц.

Володька понял, что почитать сегодня уже не придется, потому что вицы сохнуть не будут, отец сразу начнет налаживать прясло. Полез в чащу, выбирал тонкие недлинные побеги, срубал и высывал на волю комельком вперед. Нарубил почти сотню, хватит на городьбу, хотел обкупнуться, пот застил глаза, и вода уже созрела, но боялся отца, он в бога не верит, но до Троицы купаться не велел, а Троица нынче аж в середине июня.

Тележку с вицами отец велел поставить в переулке, чтобы не бегать за каждой палкой, жерди привезли на той неделе, они, пропыщенные, лежали котюром, отец принес в береме заготовки для кольев. Двухметровые заготовки с толстой стороны он тремя ударами топора заострял, сверху донизу прогонял три залысины, чтоб просохли, а не прели. Володька приготавливал ведро воды.

Огород у Рюминых был большой, тридцать соток, но пришли депутаты из сельсовета и разрезали его пополам, одна часть Рюминым, другая поселенцам, которые построились на пустом месте без земли. Иван вышел на огород в са-

погах и кепке с кнутом в руках, он пас колхозный скот и плетью стегал непослушных телок. Глаза его нехорошо блестели, а руки перебирали овитое тонким ремешком кнутовище. Депутаты не стали пытаться судьбу и утянулись лягой. Вбитые кольшки Иван шевелить не стал.

Дома было тихо, мать и ребятига боялись, что отцов гнев выплеснется на них, коли там сдержался, только Володька в душе радовался: в два раза меньше тяпать и окуривать, а пуще того – копать картошку. Но в этот раз обошлось.

Новое прясло городили как раз по меже, установленной депутатами. Отец несколькими ударами колом намечал лунку, Володька плескал в нее ковшик воды, отец дождался, пока вода впитается, и во влажную землю, ухая, глубоко вгонял кол. В четверти от первого вставал второй кол, Володька в это время подтащил три жерди, по ним отец определит, где будет следующая пара кольев. Потом в трех местах связал парные кольца вицами, заправлял комелек за кол и сильным движением прокручивал вицы, они рвались повдоль и делались податливыми. На эти опоры укладывали жерди. Работы хватило до темноты, водрузив последнюю жердь и выплюнув измусоленный окуроч, отец махнул рукой: «Все!» Володька сильно устал, приволок топор и ведро, умылся в кадушке, в старой бане вытянулся на сухом и теплом полке.

Вот зачем живет отец? На колхозной работе цельную неделю в лесу, пасут табуны молодняка, спят поочередно с напарником на голых нарах в вагончике, поесть нечего, кроме хлеба и сала. Их отец зовет небрежно жраниной. Со смены приедет – опять работа, с весны до осени: дров надо напилить, сена накосить скотине, огород

обиходить, рыбы наловить в зиму, дичи набить осенью. Семья большая, никто за столом не дремлет, а работник он один. А что видит? Каждую осень почетную грамоту от колхоза, в прошлом году медаль дали. Дома никто не приголубит, и он никого. Никак не вписываются мать с отцом в Володькины книжные представления. Вон какие там жены: обнимут, целуют, милыми называют, что-то про любовь... Володька не видел, чтобы мать отца обнимала, разве что когда пьяного вела из застолья. Интересно, отец в городе бывал? Как-то спросил его об этом, он нахмурился, отвернулся: «Бывал, много городов, вплоть до Берлина». Володька понял. А вот кителя с орденами у отца нет. У гвардии танкиста Прони есть, а у него нет. У Прони на кителе много чего, он в Октябрьскую с трибуны громовым голосом пугает загнивающий мировой капитализм. Говорят, батальоном командовал, а отец рядовой, хоть и с одного года.

Летом Володька в дом почти не заходил, разве что поест, если мать не ставила обед в летней кухне, спал в своей бане или под крышей сарая на ланишном сене. На сене было заманчиво, даже перезимовавшие травы сохраняли свои запахи, и они уводили сонного парня в луга, на выкrest солнца, на тяжелую работу с вилами и сеном, которое только так кажется воздушным, а поднять и уложить в день тридцать копен – света не взвидишь. Зато вечером, уже потемну, так сладко бултыхнуться в прохладные воды старицы...

До сенокоса еще далеко, завтра отец приведет лошадь с плугом, и всей семьей будут под лемех бросать картошку. Из погреба ее достали за две недели, в тени сарая она согрелась, ожила и стрельнула белыми, синими и даже красными

высочками–росточками, в теплой и влажной земле быстро схватится и пойдет в рост. После посадки отец, мать и Володька деревянными граблями будут ровнять пахоту, и отец прогладит, чтобы ничего следа не осталось, только правильные черточки от пальцев граблей.

Как только тепло согнало снег и в березовых лесах на Горе обнажились поляны и пустоши, один за другим в Гору пошли гурты скота, и молочные, и нагульные мясные, особо охранялись от набегов пакостных бычков табуны телок, ремонтный фонд, будущее обновление дойного стада. Размещали скотину по порядку, чтобы не смешивались и чтобы травы хватало хотя бы на неделю без перегона. Гурты ходили так близко, что скотники перекликались, если курево кончилось или тоска накатила. Большие и маленькие начальники везли на выпаса своих телятишек, чтобы снять обузу на лето, не сдавать в деревенский табун, не заботиться проводить утром и встретить вечером. Иван знал это уже не первый год, что поздней осенью, после последней перевески, хозяева придут, отберут бычков поупитанней, пастуху поставят магарыч и к вечеру в деревню, чтобы потемну вернуться. Все об этом знали, и никто не обращал внимания.

Нынче Иван будет пасти бычков в паре с Костей Ильиным, тот сам к нему пришел и попросился, Иван кивнул, потому что Костя пастух многоопытный, не особо пьющий, стало быть, сменит вовремя. А еще было соображение: Костя заядлый охотник и, как в деревне считалось, не живет без мяса, зимой и летом вкрадчи то козу застрелит, то кабана. У Ивана тоже ружье, снимал его с полатей осенью, когда на всех озерах

открывалась охота на северную перелетную дичь, да и то не особо удачливый был охотник. Но уже на вторую смену ружье взял в лес и патроны зарядил: по пять крупной дробью, мелкой и картечей. На смену приехал не утром, как положено, а накануне вечером. Привез свежего хлеба, сала соленого и бутылку водки. Бычки зашли в загон, Иван накинул на воротца и столб кольцо из проволоки, чтобы какой шалун не раскатал ворота. Перед вагончиком развели костер, комаров в этом году густо с первых теплых дней. Иван разложил закуску, выпили по стаканчику. Костя не особо разговорчивый, но под стакан и он не умел молчать.

– Слышь, Иван, – Костя прожевал и с трудом проводил жесткое свиное сало. – Вон по ту сторону колка оденок от вороха остался, кто-то из комбайнеров осенесь вытряхнул бункер, а ночью собрали. На хлеб выходит лось, ближе к рассвету, я выследил, а днем съездил: точно, пожрал и тут же оправился. Так что пить больше не будем, ружье свое приготовь, с вечера поспим, я разбужу.

Пока Костя вошкался с лопнувшим по середке седлом, Иван успел глотнуть прямо из горлышка, вытащил из-под нар мешок с разобранной «ижевкой», вставил два патрона с картечью. Думалось, хорошо, что напарник лося надыбал, поделим по-братски, по задней ляжке возьмем для себя, а остальное Костя в город сбавит, есть у него тропка натопанная. Копейка все же не лишняя. Костя, как положено, обошел загон, проверил, все бычки лежат, жвачку жуют. Столько лет со скотом, и все надивиться не может: каждая тварь по-своему спит. Один лежит на боку, аж ноги откинул; другой под себя ноги подобрал, голову

согнул и тут же уложил; этот лежит на брюхе и шею вперед вытянул. А тот вообще стоя спит, видно, так ему нравится, но чутко: только человек подошел, он вскинулся. Костя вернулся в вагончик, хотел подпалить «летучую мышь», да Иван заворчал, что комаров напустит, тогда он в темноте приподнял плаху в полу и добыл ружье.

– От кого прячешь? – спросил Иван.

– Ну, не от тебя же. Уходишь с гуртом за версту, а вдруг какой человек?

– Дак замок же есть!

– А что замок? Для доброго человека. А худой раз стукнет, он и отвалится.

– У тебя картечь заряжена?

– Со вчерашнего дня. Я хотел один завалить, да поостерегся, лось не дурак, не вдруг допустит.

– А вдвоем как пойдем? Ты мне разъемачь, я еще тот охотник-то.

– Да вот и думаю, что надо было с тобой по свету съездить, прикинуть. Ну ничего, прежде посмотрим, как ветер дует, чтобы он нас не учуял. Если как сейчас, то пойдешь с правой стороны колка, а я с левой. До края не доходи, остановись. Я сам на него выйду. Если учует и побежит – бей, мы его с рассветом по крови на лошадах загоним. Все, спим.

Иван уснул сразу, и ему снилась веселая гулянка, где он плясал «цыганочку» и пел матерные частушки. Даже во сне Иван удивлялся, с чего это вдруг так раздухарился, ведь в жизни на круг не ходил и песен не пел. В самый разгар веселья кто-то неловко толкнул его в плечо, Иван встал, хлебнул горячего чаю, Костя уже расстарался. Стало теплее, из щелей тянуло прохладой.

– Вроде не жарко на улице-то? – спросил сонным голосом.

– Прохладно. Да ты очухивайся, выходить пора. Так, дождевик оставь, шуршать будет.

Костя с ружьем вышел, дверь не закрыл. Иван нашарал бутылку и ухватил пару глотков, враз согрелся, и сон пропал. До колка шли вместе, молча, остановились, Костя показал рукой, куда идти Ивану, шепнул:

– Дойдешь до горелой осины, она поперек лежит – припухни, он скоро прийти должен. Захрустит, слышно будет. Ты лучше ляг, шуму меньше. Ветер нам в спину, хорошо, не учует.

Иван осторожно краем леса дошел до горелой осины, чуть шагнул в глубь леса под разлапистую большую березу, ложиться не стал – земля холодная, приткнулся к дереву, ружье положил стволом на нижний сучок. Тишина. Ночь безлунная, черная, только звезды чуть видно из полосы предутреннего сумрака. Пробежал какой-то зверек, может, заяц, а может, суслик, кому-то тоже не спится. Он чувствовал, что вроде разглуздался, пришел в себя. Сильно хотелось курить, но нельзя, сам понимал, да и Костя припугнул. Глаза к темноте привыкли, сквозь мелколесье вырисовывалось поле, не пахано, где-то тут зерно в стерне, тут и будет лось. Интересно, кто из мужиков хапнул бункер? Это же надо вдвоем управлять, в мешки засыпать, потом в кузов. Значит, и шофер в доле, и должны быть друзья. А кто? Иван улыбнулся догадке: точно, что братцы Чигунаевы, Андрюха и Генка. Потом вдруг подумал: а если зверь с этой стороны выйдет и прямо на него? Стрелять надо наверняка, не дай бог – ранишь, он дурной сделается, на рога может поднять.

Чуток начало зариться, воздух побледнел и стал совсем влажным, Иван провел по стволам рукой и

снял росу. Поежился, осторожно прошел краем леса вперед, потом в чашу, там темнее. И вот! Хрустнуло в тишине громко, потом опять и несколько раз. Вскинул ружье: точно, тут! Выстрел, потом вторым стволом. Страшный рев вырвался из леса и ушел в вышину. И жуткая тишина, только слабый стон человека. Иван кинулся в ту сторону и наскочил на прислонившегося к березе Костю.

– Ох, Ваньша, осиротил ты моих ребятишек!

Иван встал на колени, приподнял Костину голову, струйка крови вытекала из уголка перекошенного рта, Костя вытянулся и затих. Иван ничего не понимал, ведь лось должен был идти, почему Костя, зачем он так тихо, что сбил с толку? Живой, надо его трясти, чтоб очнулся. Пошевелил, а тело сползло на бок, дурно запахло из развороченного живота. Ужас поднял Ивана, он бросил ружье и кинулся вон из колка. За всю послевоенную жизнь не видел так близко мертвых, потому бежал прочь, не понимая, что происходит. Уже у вагончика, когда присел на скамейку, вдруг понял: он убил Костю. Иван захватил голову и завыл.

Светало. Иван очнулся, надо что-то делать. Надо в деревню, в сельсовет, к участковому. Надо вести их сюда, показать, где лежит Костя. Он со слезами оседлал коня и погнал его, что есть мочи.

Через три часа его привезли обратно на газике председателя колхоза, с ним участковый Ганя Черненький, фельдшер Валя, председатель сельсовета Лукин. Следом пришла грузовая машина. Дорогой Лукин все домогался, как получилось, что Иван застрелил напарника, пока милиционер не велел ему замолчать и лишний раз не нервировать преступника. Иван

не ослышался: он так и сказал: преступника.

Иван показал, где лежит Костя, указал место, откуда стрелял, ружье его тут и лежало. Костю увезли, фельдшер тоже уехала, Лукин остался, шепнув участковому, что опасно в такой глуши один на один с убийцей.

– Скажи, Рюмин, почему Ильин шел к тебе через лес? Он тебе не кричал, что идет? Ну ладно. Я вот тут в тетрадке нарисовал как бы колок, вот тут зерно рассыпано, кстати, надо еще разобраться, кто хапнул, тут, судя по всему, тонны две было. Да, тут зерно, тут ты, а он? Укажи, где он стоял на номере?

Иван глянул на бумагу и показал пальцем:

– С той стороны колка должен быть.

– Непонятна мне ваша схема. – Милиционер снял фуражку, солнце успело подняться. – Почему ты у самой пшеницы, а он в стороне, не меньше ста метров.

– Я тоже сначала далеко был, как договорились. А потом подошел.

– Почему?

– Не знаю. Тут ближе.

– А Ильин знал, что ты должен переместиться?

– Откуда? Я ему не кричал. Ведь лося ждали.

– Рюмин, уточни: когда ты стрелял, уже начало светать?

– Чуток светлело.

Ганя Черненький захлопнул свой кожаный планшет:

– «Чуток!» Если светать начало – кончилась охота, зверь уже не придет. И Ильин это знал, бывалый браконьер. Потому и шел к тебе напрямую через лес. Он тебе кричал?

Иван безнадежно качнул головой.

– Плохо дело, Рюмин, – подвел итог участковый. – Поедешь со мной в райотдел, следовательно этим делом будет заниматься.

Володьке никогда не забыть, как он метал первый свой стог. Сгребали сено с братом Серьгой и сестрой Надюхой, потом копнили, дело это знакомое. К вечеру пешком пришла мать.

– Ты зачем на ночь глядя? Мы уже сложили, – доложил Володька.

– Метать будем, меня назавтра в бригаду занарядили, на огород.

Володька все не верил: метать сено ночью, что ли?

– Ночью, Володька, теперь все будем делать после работы. И ты в колхоз выходи.

– А школа?

– Хватит семилетки, у нас в породе шибко грамотных не было.

Верхом на бывшей отцовской Пегухе Володька доехал до Коровьей Падьи, срубил пять ветвистых березок, поперечинка к волокуше лежала в телеге. Создевал вершинки на поперечинку, на Пегуху надел хомут с тяжами, концы у тяжей петлей, натянул их на поперечину, сказал брату:

– Серьга, бери вилы, учись на волокушу класть.

И сестре:

– Ты, Надюха, за ним следом подсребай.

Мать вмешалась:

– Не шевель парня, малой он.

Володька сказал устало:

– Ты стог уминать залезешь, я снизу подавать, а кто нам сено подвезет? Пусть привыкат, я подучу.

Мать перехватила вилы:

– Пока сама буду.

Володька крикнул:

– Сергей, вставай рядом с мамой, учись. Не велика наука.

Три копны ссадили с волокуши одну к одной, Володька стал

закладывать проемы, ничего, получалось, только тяжело и сильно охота пить. Втыкал вилы в землю, подбегал к телеге, сдергивал с жестяного ведра материн платок, отцовской походной кружкой загребал воду, пил, не отрываясь, и быстрым шагом возвращался к стогу. Одному метать – это не с отцом, но мать подсказывала:

– Метальщик, с того краю нависат, а с этого пусто.

Он закидывал провалы, а она снизу лишнее грабелями убирала.

– Поди пора, Володька, умирать начинать, сено доброе, не дай бог – прольет ливнем.

Володька воткнул в стог пару вил, мать, как по ступенькам, поднялась, встала на верхние, а нижние он тут же переткнул выше, мать оттолкнулась и уползла в центр стога. Утоптала середину, обошла по краям, и началась главная работа. Володька по кругу подавал наверх тяжелые навильники, мать перехватывала их грабелями и безжалостно втаптывала по кромке стога, обозначая ненасытную середину. Володька взмок, только рубашку с длинным рукавом сбрасывать нельзя, сухая сенная пыль зудом изведет все тело, а там только начни расчесывать – все комары твои.

Серьга подвозил неуклюжие копны, он не знал еще, что к каждой работе на лугу надо приладиться, может, сто раз бестолково сложить копну, чтобы на сто первый получилась настоящая, которую не только к стогу, а хоть до самой деревни вези.

Большая круглая луна мешала Володьке подавать сено ей навстречу, слепила глаза, а он уже пересадил вилы на длинный стоговой черен и из последних сил забрасывал матери под ноги охапки сена.

Завершили, длинные вицы связал вершинками и подал на вилах матери, она раскинула их по сторонам света, чтобы ветры не трепали стожок. Закинул наверх вожжи, ухватился, еще Серьгу позвал и крикнул:

– Мама, спускайся.

Вожжи потянул обратно и сразу ослаб, мать села рядом и плакала. Серьга прилег рядом. Надька заскребала сено и черенком граблей подбивала его под основание стога. Володька поднялся запрягать Пегуху. Луна повисела над головой и медленно покатилась на отдых.

Раным-рано прибежала Матренка Петелина, она в этот день исполнительница при сельсовете, разговор у нее быстрый, из всей скороговорки Володька понял только, что вызывает его председатель и прямо сейчас. Володька с матерью тоже ходили в исполнители, назначали и от колхозной работы освобождали. Надо было сидеть в коридорчике и заходить в кабинет, когда председатель крикнет: «Исполнитель!» Велено было бежать к бригадиру животноводства, найти его дома или на ферме. Потом искал киномеханика Сашку, он вчера билеты продал, полный зал народу запустил, а сам кинобудку закрыл и на своем «ковровце» уехал к полюбовнице красавице Гале Смирнихиной. Люди ждали долго, потом засвистели, затопали ногами, стали кричать: «Сапожник!» А в кинобудке тишина, тогда и расчухали, что Сашка уже на седьмом взвозу. А вечером председатель дал Володьке два рубля 87 копеек и велел купить в сельпо бутылку водки, да не скзывать для кого, принести и его вызвать в коридорчик. После этого их с матерью отпустили домой.

Зачем Володьку вызвали в сельсовет, он не задумывался, сказали прийти – придет. Шел по улице, безлюдной совсем, большие на работе, ребетня в школе, маленькие в садике или дома с бабками. Навстречу учительница по русскому языку и литературе, так и знай, будет выпытывать, что в школу не ходит. Самое время хорошую книжку спросить, да ее разговор не перебьешь.

– Здравствуй, Рюмин.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

– На днях вечером заходила к вам, да дверь на клямке.

– Сено метали всей семьей.

– Ты в колхоз-то не вышел еще?

– Нет. Хотел на тракториста, да годов мало. Скотником зовут, да мать не велит, тяжело там.

– Может, в школу вернешься? Тебе учиться надо, способности есть и интерес.

Володька хмыкнул:

– Только денег нет. Пусть мелкие учатся, а я как-нибудь.

– Рюмин, если все решил, давай, я с директором договорюсь, истопником и дворником в школу.

– Спасибо, Анна Петровна, не пойду. Там девчонки, стыдно. А книжки интересные у вас есть?

– Есть. Я тебе домой принесу, вечером.

Володька покраснел, но промолчал, неловко было про такое учительнице говорить.

Председатель сельсовета Евграф Леонтьевич встретил прямо в дверях. Он один в деревне до сих пор носил военную форму под ремнем и цветную колодку на левом кармане кителя. Длинные седые волосы он клубком укутывал на голове, стараясь прикрыть лысину. Когда он гневался, вся эта

городьба сваливалась на сторону, Евграф Леонтьевич терял всякую строгость и быстро нахлобучивал шляпу или шапку, смотря по сезону.

– Вот что, Рюмин, мне в районе дали неделю, чтобы избача нашел, ну, это по-старому, теперь завклуб и библиотекарь. А где взять? Из колхоза никого не отпускают, в школе тоже лишних грамотных нет, а ты вроде не тут и не там. Работа такая: клуб открыть, когда Сашка протрезвится и кинокартину привезет, в субботу Николай Агапович приходит с гармошкой, танцы. Он, понятно, чтобы от Груни утянуться, но все равно «Амурские волны» и «Цыганочку» отыграет. Так, а ты каждый день с двух часов и до управы, пока коров пастухи пригонят, сидишь в библиотеке книжечки выдаешь. Завтра доедешь до районной библиотеки, кой-чему научат.

Володька возмутился:

– Прогонят они меня, годами не вышел.

– Дурак, я тебе справку напишу, что семнадцать полных. Женухашься уже всюю, а? Поговаривают, что к тебе все летичко молоденькая училка захаживала.

Володька смутился:

– Так она книжки приносила, Евграф Леонтьевич.

Председатель засмеялся:

– Знамо дело, и мы когда-то книжки почитывали. Все, пишу тебе бумагу в район.

Володька вышел, и все с ума не идет хохоточек председателя из-за Анны Петровны, наболтают в деревне про девчонку что зря. Надо сказать, чтоб не ходила. Опа, так она сегодня придет, обещала! Нет, надо перехватить, решил на улице подождать, чтобы в дом не заходила.

Опять вспомнился председатель, что жениться начал. Тут он прав, соглашался Володька, есть такой грех. Тянет его к Танюше Ильиной, только как к ней теперь подходить, если отец ее отца застрелил? Танюша и сейчас не шибко сторонится, только он не дурак, соображает, что пояись – сразу про отца вспомнит. Если бы в школу ходил, все проще, где-то на перемене зажал бы на парте, пощекотал. Девчонки это любят, хоть и повизгивают для вида. Все ребята так делают, если девчонка нравится, да и они тоже должны соображать, что не просто так парень тяжело дышит. Неделю назад Володька увидел ее во сне в голубеньком платье и такую улыбку, решил написать ей письмо, как в романах: «Я к вам пишу...» А что больше остается? Вот разве в библиотеку будет приходить, тогда удастся поговорить.

В район уехал на попутке, да и там недолго задержали. Заведующая посмотрела сельсоветскую бумагу и велела написать заявление. Володька старательно выводил буквы, все слова проверил – нет ошибок. Она глянула на листок и сказала, что приказ вышлет в совет, а к работе надо приступать немедленно. Прибежал домой к вечеру, обрадовал мать:

– Нанялся избачем, завтра клуб открываю.

– А жалованье?

– Какое жалованье? – удивился Володька.

Мать всплеснула руками:

– А робить ты за что будешь? Там же и полы надо мыть, и печи топить.

Володька припух:

– А мне не сказали.

– Узнай в совете и мне скажешь. Может, лучше скотником пойти, зимой, конечно, тяжело,

зато летом вольготно, пасешь на свежем воздухе. – И вздохнула, вспомнила отца.

В библиотеке Володька кинулся было к широким дощатым полкам с книгами, но остепенился: в читалке месяцами не метено, на окнах тенеты, стекол в рамах не хватает, пыли и листьев с соседних тополей нанесло. Нашел ржавое ведро, драную занавеску с печи сорвал (попрошу мать, другую даст). Сбегал на колодец за водой, заодно наломал веток, подмел большой мусор, на скорую руку протер подоконники и рамы, помыл пол. Стало приглядней. Глянул в клубный зал, загадили его до последней крайности. Володька и дома часто мыл полы, когда мать на работе, так что и тут управил. В тумбочке стола нашел краски, оторвал вывеску у входа и старательно вывел: «Клуб. Библиотека». Приколотил, отошел в сторону, полюбовался: красиво!

Потом ходил вдоль полок и читал названия книг, попадались и знакомые, но редко, много надо еще прочитать. Исполнительница из сельсовета стукнула дверью:

– Звонили из района, завтра библиотечарша приедет тебе в помощницы, да бухгалтерша Федорова велела сказать: зарплата у тебя 32 рубля.

Домой пришел к вечеру, надо по хозяйству управиться, только собрался, соседка мать под руки ведет:

– Ребятишки, горюшко-то какое, нетука теперь у вас отца.

Володька выхватил казенную бумагу, прочитал: «Осужденный Рюмин И.И. погиб во время производства работ на пилораме. Похоронен по месту отбывания наказания». Подпись и печать.

Через неделю приехала из рай-она рыженькая девчонка, он видел ее в детском отделе, подумал тогда, что из читающих. На ней было легкое платьице с пояском и стоптанные туфельки, в руках тряпичная курточка. Рыжие волосы вились и были прижаты заколкой с ромашками. А глаза серые и большие, губки поджаты скромно.

– Меня зовут Валентина, а вы Владимир?

– И с чего мы на вы? – дружелюбно улыбнулся Володька. – Тебе сколько лет?

– Почти шестнадцать. Я после семилетки, но в техникум поступила.

– Молодец. Мы с тобой одногодки. Чему учить будешь, Валентина?

И началось. Валя нашла журнал учета книг, полдня сверяли наличие, расставляли по полкам по авторам в алфавитном порядке. Скучная работа!

– А ты надолго приехала? – вдруг вспомнил Володька.

– На три дня, мне сказали.

Володька засмеялся:

– Уже все управили, осталось с формулярами разобраться. Два дня свободных. Хочешь, по грибы сходим, я заросли опять знаю.

– Мне еще сельсовет квартиру не нашел.

– Эка беда! – рассмеялся Володька. – У нас перекантуешься. На мать не обращай внимания, у нас отца убило.

– Господи, горе-то какое?

– Это далеко, он в тюрьме был. Ладно, пошли обедать.

Ели щи со сметаной и кукурузным хлебом из магазина, пили чай на листочках смородины. Серьга не утерпел, прям за столом спросил:

– Братка, теперь она у нас жить будет? Вы жених и невеста?

Валя покраснела и выскочила из стола, Серьга получил плюху по затылку. Гостью поймал в дверях:

– Не слушай его, малек, что с него взять?

Пошли в совет искать квартиру.

За это время Володька научился ориентироваться в своем хозяйстве, заполнять журнал и вести учет. И все присматривался к девчонке, такая она славная, добрая, беспокойная. Глаза на Володьку вскинет, у того сердце в горлышке стучает. Валя табуретку поставила, чтобы на верхней полке прибрать, Володька осторожно взял ее за талию и опустил на пол. Девчонка вскинула голову:

– Зачем ты так?

– Не знаю.

– Не надо. Тебе просто пообниматься охота, а я так не могу.

– Да ладно тебе, подумаешь: в руках подержал. Я целуюсь с девчонками, и ничего, – напрополюю врал Володька.

– Вот видишь, – громко упрекнула Валя. – А я так не хочу.

Анну Петровну дождался в переулке перед самым домом. Увидел ее издали и вышел навстречу. Были последние теплые дни сентября, она шла в спортивном костюме, в кроссовках, с косынкой на шее.

– Рюмин, а я к тебе, – она весело улыбнулась.

– Не надо вам ко мне приходиться, по деревне уже разговоры пошли, – Володька хмурился.

– О чем, Рюмин?

– Про нас, что вы ко мне не зря ходите.

– Конечно, не зря. Хочу, чтобы ты продолжал расти и становиться культурным, грамотным человеком. Чтобы ты, наконец, понял, что учиться все равно придется,

если не хочешь оказаться на обочине жизни.

Володька смутился:

– Ну, это вы так кучеряво, а наши бабы судят круто: ходит – значит, шуры-муры.

Анна Петровна засмеялась:

– Рюмин, кому это в голову пришло? Хотя, сказать честно, ты мне нравишься, и мы могли бы дружить, ведь я всего на два годика постарше.

– Как? – оторопел Володька.

– Да просто, после трех курсов училища ушла на заочное, так сложилось. Впрочем, зачем я тебе все это объясняю? Ты же девушку во мне не видишь, только Анну Петровну, которая двойки ставила, если проболтался. Ну, хорошо, если дома над тобой столь строгий контроль, буду приходить к тебе в библиотеку. Не выгонишь?

Володька стушевался, не зная, что сказать:

– Вы на меня не обижайтесь, Анна Петровна, я за вас переживаю.

– Вот и славно. До свидания. Да, а книги-то возьми.

А ведь Анна Петровна исполнила обещанное, каждый вечер приходила в библиотеку, он и сам не заметил, что ее рассказы о великих людях, мудрецах и писателях, стали ему интересны. Он просил их книжки, она приносила, и ночами, при керосиновой лампе со стеклом, читал, удивляясь, что мятущиеся души и судьбы книжных людей ему понятны, а поступки он тоже совершал такие же. Нет, он не заметил, что учительница стала обращаться к нему проще, поласковей, не как к непослушному школьнику. В тот новогодний вечер они устроили праздник для колхозников, правление выделило немного денег, Анна Петров-

на столько всего придумала, что даже бабульки вышли поплясать «цыганочку» под гармошку Николая Агаповича. Когда все разошлись, Анна Петровна устало села на стул и обмахивалась капроновой косынкой. Володька подошел, встал перед ней на колени и молча глядел в глаза. Она не ойкнула, не вскочила, нежно сжала руками его голову и поцеловала в губы. Он встал, держа ее за руки, и они долго стояли, глядя друг другу в глаза.

Лампочки три раза моргнули, дизелист на станции предупредил, что через десять минут выключит электричество, он и так в честь праздника два лишних часа отработал. Володька очнулся, побежал за спичками и зажег настенную лампу, потом вторую, электричество погасло, и сумрак охватил комнату. Они опять сошлись, обнялись неловко и стояли, чуть отшатнувшись друг от друга.

– Володя, ты целовался с девочками? – прошептала Анна Петровна.

Володька подумал, что надо бы сказать о библиотекарше Вале, но не стал.

– А я целовалась с парнем. В училище. Ты не будешь ревновать?

Володька улыбнулся:

– Не буду. С чего мне вас ревновать?

Анна Петровна отошла назад.

– Ты и после поцелуя будешь меня учительницей считать? Володя, зови меня Аней, мне так очень нравится.

Володька неловко ухватил девушку в охапку и крепко прижал, чувствуя ее гулкое сердце, трепетное легкое тельце и щекот пышных волос.

– Аня, Анюшка, буду звать...

Анна высвободилась из непрочных объятий, опять поцеловала парня в губы.

– Володя, я уеду из школы в другой район, так надо, у меня там мама. Я тебе напишу письмо. Можешь приехать, только я скоро выйду замуж, жених мой в армии служит. Проводи меня.

Шли молча, простились за ручку, без поцелуев, да и все случившееся Володьке казалось видением.

Анна Петровна уехала из деревни сразу после Нового года, ему тогда стало тоскливо и совсем безысходно, даже поговорить не с кем. Больше он Анну Петровну не видел и писем от нее не получал.

Анна Петровна вернулась в село через десять лет, после окончания института директором средней школы, одна, без мужа и детей. С удивлением узнала, что Володя Рюмин окончил вечернюю школу, потом Уральский университет, что у него большая семья и живет он в далеком городе. Бывший клуб переделали в квартиры, Анна Петровна заходила в одну, где когда-то был клубный зал и новогодняя елка, возле которой она целовалась с Володей. Ей было грустно. Хозяева, показавшие директору квартиру, были напуганы ее слезами и проводили чуть не до школы. В ее квартире было много книг. Она сходила в дом Рюминых, и мама, похвалившись сыном, спросила, не заберет ли Анна Петровна Володькины книжки. Тогда она полдня провела в их доме, разбирая мешки с книгами, которые накопил Володя, и даже те, что она когда-то приносила ему. Мешки с книгами на колхозной телеге перевезли на квартиру директора, и уже через неделю учитель труда

собрал в большой комнате целую стенку полок, сделанных учениками в школьной мастерской.

Анна Петровна была хорошим директором, ее уважали в коллективе, власти давали награды и звания. Вечером, когда школа совсем пустела, она приходила в свой ухаженный, похожий на гостиницу домик, садилась в глубокое кресло, положив на столик несколько стопок книг из Володиных мешков. Она перебирала их, просматривая страницы, отмеченные его карандашом. Когда часы били полночь, она уходила в спальню и ждала новых снов, которыми жила. Ей снилась новогодняя елка, слышалось Володино «Аня, Анюшка!», потом моргал свет, и наступала темнота, которая принимала ее до утра.

К выходу на пенсию Анна Петровна собрала много материалов о земляке, ставшем известным ученым. По ее просьбе школьные краеведы отправляли сочиненные ею запросы, на которые профессор Рюмин время от времени отвечал, присылая фото дипломов, знаков, снимки с конференций, где он был рядом с большими начальниками и хмурыми генералами. Анна Петровна оформила большой стенд, посвященный Владимиру Ивановичу Рюмину. Когда в школу приезжали гости, она взволнованно рассказывала об удивительной судьбе деревенского мальчика, ставшего мировой знаменитостью. Никто не догадывался, сколько за взволнованностью и сдержанностью было желания рассказать о книжках, какие она носила Володе, о новогодней ночи в сельском клубе и нескольких поцелуях, заставших всю остальную жизнь.

